

УДК 94(470)

**АЛЕКСАНДР ГУМБОЛЬДТ: ВСТРЕЧИ С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ССЫЛЬНЫМИ
В СИБИРИ И КАЗАХСТАНЕ****Духин Я.К.,***кандидат исторических наук,
доцент кафедры всемирной истории
и общественных дисциплин, КГПИ,
г. Костанай, Казахстан***Аннотация***Ұсынылып отырған мақалада белгілі неміс ғалымы А. Гумбольдтың Ресейге саяхат жасау барысында Қазақстан мен Сібірде саяси айдауда болған өкілдермен өзара қарым-қатынасқа түсуі анықталады. Ғылыми әдебиеттер мен деректер кеңінен қолданылған.***Аннотация***В настоящей статье рассматриваются взаимоотношения ссыльных в Казахстане и Сибири с немецким ученым А. Гумбольдтом во время его путешествия по России. Широко представлены источники и научная литература.***Abstract***In the present article relationship of exiled in Kazakhstan and Siberia with the German scientist A. Humboldt is considered during his travel across Russia. Sources and scientific literature are widely presented****Түйінді сөздер:** саяси айдау, декабристер, саяхатшы, патша озбырлығы, қазақ даласы, полиция бақылауы, ғылыми байланыстар.****Ключевые слова:** политическая ссылка, декабристы, путешественник, царский произвол, казахская степь, полицейский надзор, научные контакты.****Keywords:** political reference, decembrists, traveler, imperial tyranny, kazakh steppe, stakeout, scientific contacts.*

Его называли «Аристотелем XIX века». И вовсе не случайно. Глубина познания мира этим человеком была неизмеримо велика.

Имя его – Александр Фридрих Вильгельм фон Гумбольдт.

О нем и его экспедиции в Россию в 1829 г. уже много сказано, написано, исследовано. Любопытный читатель может удовлетворить свой интерес, имея вполне доступные издания и, наконец, возможности интернета. Последнее обстоятельство освобождает нас от анализа богатого наследия ученого и позволяет сосредоточить внимание на выявлении его контактов с ученой и ссыльной политической средой в Сибири и Казахстане.

Нельзя сказать, что эти эпизоды из жизни А. Гумбольдта исследователи его творчества вовсе оставляли в стороне, без внимания. Но, изучив массу различных по характеру книг и источников, мы убедились в наличии лишь обрывочных свидетельств, никак не связанных между собой единством замысла, общим сюжетом и композицией. Возможно, это объясняется тем, что подобные сведения зачастую даны самим Гумбольдтом и его сопровождающими в скрытной, а порой и в иносказательной форме, без изложения суждений общественно-политического звучания.

Тема ссыльных, как, впрочем, и других аспектов политической жизни в разных ее оценках, Гумбольдтом не затрагивалась, она была табу, под запретом. В качестве приглашенного царским правительством гостя, связанный обязательством заниматься только научными изысканиями, ученый не мог игнорировать недвусмысленный совет министра финансов России Георга Канкрин не вникать в политику. Уже в ходе путешествия он писал министру:

«Само собой разумеется, что мы ограничиваемся наблюдениями над мертвой природой и избегаем всего, что касается человеческих учреждений и условий жизни низших классов народа...» (Г. де Терра, 1961, с. 263). Гораздо позднее, в 1843 г., он писал астроному Г.Х. Шумахеру в Копенгаген весьма откровенно: «Мне стоило больших усилий три тома моей «Центральной Азии» посвятить русскому царю; но это нужно было сделать, так как экспедиция была совершена на его средства» (Невский В.В., 1959, с. 42). Прекрасно осознавая указанную зависимость, Гумбольдт обещал и сдержал данное министру слово.

Сказанное выше вовсе не исключает наличия сведений, хотя пусть и косвенных, позволяющих проследить не только внешние контакты с политической средой, но и проникнуть в сферу идейной близости Гумбольдта с ее представителями. Об этом несколько ниже, а пока несколько суждений, без которых содержание основной темы повествования будет затруднено.

Начнем, пожалуй, с весьма авторитетного мнения ученого, путешественника и геолога И.В. Мушкетова. Так вот, он отмечает: «...благодаря отчасти совершенным экспедициям, а главным образом общему прогрессу науки, в цивилизованной Европе возбудился в это время (конец XIII–нач. XIX в.) живейший интерес к Азии...» (Мушкетов И., 1886, с. 117). Приведенное суждение дает нам ключ к пониманию желания Гумбольдта посетить Азию с научными целями, о чем он задумался будучи еще студентом Фрайбергской горной академии, серьезно изучая азиатские языки, картографические и литературные материалы. Своему однокашнику горному инженеру В.Ю. Соймонову ученый позднее, в 1793 году, напишет: «Я не скрою, что уже три года это одно из моих самых горячих желаний» (Скурла Г., 1985, с. 199). А пока Гумбольдт не терял времени, за несколько лет успел себя прославить серьезными исследованиями Европы и различных регионов Центральной и Латинской Америки. По возвращении из долгой американской поездки ученый заявил: «Моя ближайшая цель – путешествие в Азию». Планы громадные, о чем и было заявлено: «Я хотел бы начать с того, чтобы пересечь всю Азию между 58–60 градусами широты, через Екатеринбург, Тобольск, Енисейск и Якутск до вулканов Камчатки и берегов Океана» (Маркин В., 2002).

Мечта едва не получила осуществление в 1810 и 1811 годах, когда от имени императора Александра I председатель Государственного совета канцлер Н.П. Румянцев приглашал А. Гумбольдта принять участие в русской миссии в Кашгар и Тибет. К большому разочарованию ученого мероприятию помешала война 1812 года. Пройдут годы, мечта не исчезла, и вот уже сам Гумбольдт в 1827 году предлагает русскому правительству организовать экспедицию на Урал и Алтай. Предложение не было проигнорировано, и теперь уже Николай I и члены царской фамилии через министра финансов Г. Канкринна приглашают ученого совершить путешествие на Восток с известным нам уже условием: не касаться никоим образом проблем политических.

Май 1829 года Гумбольдт встречал уже в Петербурге, откуда и началось восьмимесячное путешествие. Ввиду довольно преклонного возраста (60 лет), ему не под силу было осуществление ранее высказанного желания посетить Якутск и Камчатку. Пришлось ограничиться Уралом, Западной Сибирью, Алтаем, северными районами Казахстана, Каспийским морем. Это были как раз районы сосредоточения известного числа политических ссыльных, представленных декабристами и польскими революционерами.

Считаем целесообразным сначала обратиться к свидетельству декабриста Н.И. Тургенева о том, что Гумбольдт высоко ценил идеалы декабристов («Пушкин». Материалы и исследования, с. 250). Удивляться данному обстоятельству вряд ли есть основания, принимая во внимание как достаточно прогрессивную политическую ориентацию ученого, так и личные контакты со ссыльными, поражавшими его своей высоконравственной энергетикой и подлинным научным патриотизмом.

Итак, А. Гумбольдт в Западной Сибири, позади огромные версты пути, многочисленные встречи с разными людьми. Весьма примечательное событие произошло в г.Тобольске. Здесь отбывал ссылку за подозрение в убийстве во время карточной игры (вина следствием

не была доказана) знаменитый музыкант и композитор А.А. Алябьев. Многие исследователи полагают, что истинной причиной ссылки было неприязненное отношение Николая I за близкие сношения композитора с декабристами, иначе трудно объяснить крайнюю суровость наказания, последовавшего даже после снятия обвинения (Шалаева Г.П., 2008, с. 28).

А. Гумбольдту представили композитора. Результатом встречи и очень благожелательного расположения ученого к А. Алябьеву явилось написание последним «Гимна для хора и оркестра в честь ученого А. Гумбольдта». Гимн впервые был исполнен 15 августа 1829 г. в военном училище Омска при возвращении путешественника из Алтая.

Позднее, уже возвратившись в Берлин, А. Гумбольдт передал подаренную ему партитуру «Гимна» А. Алябьева местному оркестру. Генералу Вельяминову в Тобольск великий немец напишет: «Играли у себя, и были многие довольны» (<http://www.rusdeutsch> 74. ru./newspaper).

Столицей Западно-Сибирского края служил город Омск. Он являлся средоточием общественной и культурной жизни, отсюда внимательно следили за всем тем, что происходило в империи, и декабристское движение не осталось без внимания омской общественности. Тот факт, что через Омск проследовало в сибирскую каторгу и ссылку значительное число репрессированных революционеров, не мог оставить равнодушным местное интеллигентное общество.

К моменту появления А. Гумбольдта в Омске в пределах Западной Сибири проживало более десятка ссыльных декабристов. Среди них были достаточно известные деятели движения – С.М. Семенов, М.И. Муравьев-Апостол, С. Палицын и др. Поскольку А. Гумбольдту приходилось иметь более тесные контакты с С. Семеновым, остановимся на этом факте более подробно.

Начнем с того, что все декабристы, знавшие С. Семенова, отмечали его глубокую эрудицию, образованность и честность («Декабрист М.И. Муравьев-Апостол». Воспоминания и письма, 1922, с. 74).

Он был выходцем из духовного звания, воспитывался в Орловской духовной семинарии. По указу Священного синода исключен был из духовного звания и принят «своекоштным» студентом Московского университета. По воспоминаниям его товарища Д.Н. Свербева, стал С. Семенов «красою студенчества», поражающим все «духом премудрости и разума и глубиной познаний». Помимо всего прочего, «он замечателен был строгою диалектикою и неумолимым анализом всех, по его мнению, предрассудков... всю душою предан был энциклопедистам XVIII века...». Уже в университете С. Семенов проявил себя человеком весьма радикальных политических взглядов, о чем свидетельствовала его позиция, занятая во время знаменитого диспута с деканом Н.Н. Сандуновым (Свербеев Д.Н., 1989, с. 76–77).

Приняв весьма усердное участие в деятельности декабристских организаций, С. Семенов после ареста и девятимесячного содержания в Петропавловской крепости был выслан «для употребления ... на службу» в распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири. Определенный сначала в канцелярию Омского областного совета, ссыльный декабрист по капризу губернатора П.М. Капцевича вскоре был направлен столоначальником окружного управления в г. Усть-Каменогорск. Работа требовала больших знаний местных условий: Семенову приходилось иметь дело с киргизской степью, а это вынуждало к постоянным поездкам, во время которых изучались местность, быт, обычаи местного населения, он находился в контактах со среднеазиатскими и китайскими купцами, позволявшими быть в курсе сложных проблем внешнеполитического характера.

Прибывшему для изучения края А. Гумбольдту нужен был именно такой знающий местность грамотный европейски образованный человек. По свидетельству декабриста Н.И. Лорера, «узнав, что в городе... проживает чиновник, знающий прекрасно языки французский и немецкий, хотя и сосланный по 14 декабря, Гумбольдт просил начальство отпустить его с ним...» («Записки декабриста Н.И. Лорера», 1931, с. 180–181). Последовало обращение к управляющему областью генералу В.И. Сен-Лорану посодействовать в подборе именно та-

кой кандидатуры для включения в состав экспедиции. Будучи осведомленным о способностях С. Семенова, генерал дал распоряжение управляющему Усть-Каменогорским округом майору Барташевичу вызвать его в Омск и назначить сопровождать знаменитого немецкого ученого А. Гумбольдта в его путешествии по Восточному Казахстану (Центральный государственный архив РФ. III отдел. 1эксп. Ф.109. Оп. 5. Д. 61. Ч. 176. л.29).

Знакомство для обоих оказалось весьма полезным и плодотворным. При поездке по Прииртышью, которое он ранее успел основательно изучить, С. Семенов давал ученому путешественнику весьма ценные сведения о природе, этнографии, истории края, организовывал встречи со старшинами кочующих казахов, рассказывал о караванных путях в Китай и Среднюю Азию. Участники экспедиции отмечали, что все это делалось с таким великолепным знанием дела, что впоследствии А. Гумбольдт с искренней похвалой отозвался о ссыльном и «выразил удивление, что даже в Сибири сопровождавший его оказался человеком высокообразованным» («Декабрист М.И. Муравьев-Апостол». Воспоминания и письма, 1922, с. 74). Но вот что интересно: все эти суждения ученого немца высказывались потом, издавека, порой завуалированно. В то время как декабрист щедро делился своими познаниями о местах путешествия, упоминания об этом и его имени практически нигде не обнаруживаются. Будем винить в этом путешественника? Вряд ли стоит это делать. Ему было вполне понятно, что любая информация о декабристах, будь даже закамуфлированная в научном тексте, может повлечь за собой тяжкие последствия для ссыльного. А потому – умолчание...

Нам трудно сейчас восстановить в конкретике характер отношений ученого и декабриста, но проявление симпатий друг к другу несомненно. Вне всякого сомнения – ученый знал о восстании декабристов. И когда представилась возможность общения с одним из них, и не последним по значимости, он вряд ли упустил возможность удовлетворить свой интерес личным контактом и беседами, тем более в условиях отсутствия надзора, достаточно откровенными. Свидетельства декабриста Н.И. Лорера не оставляют никаких сомнений по этому поводу: «... Во время *долгого собеседничества (так! – Я.Д.)* с Гумбольдтом Семенов сумел снисходить и дружбу его, рассказав ему все наше павшее дело» («Записки декабриста Н.И. Лорера», 1931, с. 180–181).

Когда-то Гумбольдт высказал весьма интересное суждение. Приведем его: «Обязанность путешественника, видевшего ближе то, что терзает и унижает человеческую природу, – довести жалобы несчастного до сведения тех, чей долг их облегчить» (Сафронов В.А., 1959, с. 145).

И вот теперь ученому представилась такая возможность. Во время совместных путешествий с декабристом последний «... так расположил своего спутника в свою пользу, – писал Н.И. Лорер, – что Гумбольдт обещал Семенову по возвращении своем в Петербург хлопотать о его прощении и лично просить за него государя» («Записки декабриста Н.И. Лорера», 1931, с. 180–181). Слово свое путешественник сдержал: по возвращении в Петербург во время аудиенции у императора он сказал ему буквально следующее: «Я был поражен и восхищен, Ваше Величество, встречая в самых отдаленных углах Вашей необъятной империи истинно образованных людей», и при этом назвал имя С. Семенова. Гумбольдт надеялся на снисхождение ссыльному и не мог себе представить, как его похвала хлестко ударит по декабристу, которого приказано было употребить «на службу в отдаленном месте, без права выезда».

Здесь следует внести некоторые уточнения. Оказалось, в свое время генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов был явно против решения Сен-Лорана о прикомандировании С. Семенова к экспедиции Гумбольдта, а потому, чтобы себя обезопасить на случай обвинения в послаблении «государственному преступнику», направил донос шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, где сообщал: «Находя майора Барташевича виновным в своевольном дозволении Семенову сопровождать барона Гумбольдта, я предписал майора Барташевича арестовать на два месяца с исправлением должности, ибо я думаю, что Семенов выпросился сопровождать барона Гумбольдта единственно для того, чтобы посредством его

исходатайствовать себе всемилостивейшее прощение...» (ЦГАРФ. III отд. 1эксп. Ф.109. Оп. 5. Д. 61. Ч. 176. л. 29). Таким образом, царь задолго до беседы с Гумбольдтом из доклада Бенкендорфа знал о недозволенном послаблении декабристу и принял донос Вельяминова к сведению. Ходатайство А. Гумбольдта лишь ускорило принятие мер. Вместо поощрения Семенов очутился в глухом и далеком Туринске.

Вызывает некоторое недоумение то, что во время пребывания в Усть-Каменогорске и Бухтарминске у Гумбольдта не состоялась встреча с другим декабристом – Матвеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом, отбывавшим здесь ссылку. По крайней мере, ни прямых намеков самого путешественника, ни косвенных указаний других источников об этом нет. Видимо, либо власти скрывали от Гумбольдта факт пребывания М. Муравьева-Апостола в местах, по которым путешествовал ученый, либо установили жесткий полицейский надзор на случай всяких непредвиденных шагов со стороны путешественника. Интересно, что сам декабрист ни разу не упоминает об ученом в своих воспоминаниях, хотя скрыть факт пребывания столь значимой личности в Бухтарминске от декабриста вряд ли было возможно.

А вот о вполне вероятной встрече с А. Гумбольдтом отбывающего ссылку в Семипалатинске декабриста С.М. Палицына можно судить более определенно. Сначала несколько слов о декабристе. Прапорщик С. Палицын служил в Генеральном штабе и узнал о существовании Северного общества в апреле 1825 г. После восстания он, по постановлению следственной комиссии, после года отбывания в крепости был переведен в «Петровский гарнизонный батальон тем же чином» (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 36. Оп. 7/850. Св. 51. Д.31,1829, л.6об.–7).

В марте 1828 г. командир батальона доносит в III жандармское отделение о том, что прапорщик Палицын «в последнее время изменил хорошее поведение, не соблюдает воинской дисциплины, не оказывает старшим себя должного уважения...» (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 36. Оп. 7/850. Св. 51. Д.31,1829, л.6). Следствием доноса явился перевод ссыльного декабриста в отдаленный Семипалатинский гарнизонный восьмой батальон. Полицейский надзор выявил исключительный интерес семипалатинцев к личности С. Палицына: он становится предметом «особенного их внимания, толков и разговоров» (ЦГАРФ. III отд. 1эксп. Ф. 109. Оп. 5. Д.61, ч.140. л.7 об.).

Пребывание в Семипалатинске совпало с посещением города А. Гумбольдтом. Трудно сказать, состоялась ли встреча. В таких случаях принято спрашивать: «А был ли мальчик?» Если принять в расчет, что С. Палицын был офицером–топографом, то у немецкого путешественника он не мог не вызвать профессионального интереса, да и сам ученый являлся слишком масштабной личностью, чтобы не заинтересовать декабриста. По крайней мере, в письме к брату Александру Баранцову 27 сентября 1829 г. С. Палицын сообщает: «... более месяца, что собираюсь писать к Вам и послать обещанные и в половину написанные описания пребывания здесь барона Гумбольдта, и знаменитого бала, бывшего здесь 17 числа сентября; но всегда случается, что в день почти находит на меня ужасная хандра, и я бываю не в состоянии взяться за перо, а потому откладываю до следующего раза...» (ЦГАРФ. III отд. 1эксп. Ф. 109. Оп. 5. Д.61, ч.140, л. 5об.). Чтобы давать «описания», нужно было, по крайней мере, войти в контакт с ученым, и он, видимо, состоялся, ибо иначе уже наполовину написанного письма и не было бы. А вот последовал ли «следующий раз» с окончанным описанием пребывания А. Гумбольдта – остается неизвестным, по крайней мере, следов подобного свидетельства обнаружить не удалось.

Когда в 1831 г. власти Западной Сибири, приступая к рекогносцировке и топографической съемке в пяти пунктах Казахской степи, решили «употребить в помощь» «государственного преступника» Палицына, генерал-губернатор Вельяминов обратился к военному министру графу Чернышеву с просьбой направить его для съемок «степи по р.Аягузу до оз. Балхаш» как имеющего «отличные способности и ученость».

На докладе Чернышева император оставил следующий автограф: «Как прежние поступки и склонность прапорщика 8 линейного батальона Палицына не позволяют ожидать,

чтобы он когда-либо был благонадежен, употребить Палицына на съемку и описание Киргизской степи в таком только случае, когда бы в том настояла самая крайняя необходимость, но и тогда не иначе как под строжайшим надзором совершенно благонадежного человека...» (РГВИА. Ф. 36. Оп. 9/852. Д. 61, л.5 об.). Узнав о высочайшем мнении, Вельяминов не решился включить декабриста в состав топографической экспедиции. В 1832 г. Николай I позволил Палицыну искупить «свою вину» под пулями кавказских горцев.

Из Восточного Казахстана путь А. Гумбольдта проследовал в Оренбургский край, место ссылки многих декабристов и польских политических ссыльных. С одним из них, Иваном (Яном) Виткевичем, путешественник лично познакомился и был в восторге от его ума и учености. В формулярном списке рядового 4-го линейного Оренбургского батальона, расположенного в крепости Орск, Ивана Викторовича Виткевича, наряду со сведениями о знании им российской, немецкой, французской и польской грамоты, отмечалось, что он по конфирмации великого князя Константина Павловича в 1823 г. «за учреждение тайного общества под названием «Черные братья» и за сочинение возмутительных писем и стихов лишен дворянства с удалением в солдаты без выслуги» (Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 18. Д. 94., л.3–4). «Государственному преступнику» в то время всего было лишь 14 лет.

Остановившись в Орске, А. Гумбольдт каким-то образом узнал, что в числе сосланных туда рядовых есть очень образованный и отлично знакомый с восточными языками молодой человек. Известный своими воспоминаниями, в том числе и об оренбургской старине, впоследствии западно-сибирский генерал-губернатор, А.О. Дюгамель оставил весьма примечательное свидетельство: «Живя на границах с Азией, он (И. Виткевич – Я. Д.) стал изучать языки арабский, персидский и татарский и достиг такого теоретического и практического знакомства с этими языками, что мог без труда объясняться на них. Видя исключительный интерес ссыльного поляка ко всему, что касалось Казахской степи, военный губернатор П.П. Сухтелен стал посылать И. Виткевича с различными поручениями в Среднюю и Младшую орду. Несмотря на это, Виткевич, быть может, еще прозябал бы долго в забвении, если бы знаменитый А. Гумбольдт, во время своего научного путешествия по Уральским горам не остановился, благодаря счастливой случайности, в том самом доме, в котором жил Виткевич. Расставленные на полке сочинения обратили на себя внимание Гумбольдта (в том числе несколько томов самого ученого – Я.Д.); он пожелал познакомиться с солдатом, и Виткевич был ему представлен...» (Дюгамель А.О. 1885, с. 102).

Поговорив с молодым человеком, А. Гумбольдт поразился его серьезности и широким познаниям. По приезде в Петербург после аудиенции у императора он написал письмо с просьбой к оренбургскому генерал-губернатору В.А. Перовскому обратить внимание на Виткевича и смягчить по возможности его участь. В письме, в частности, отмечалось, что Гумбольдт при беседе с царем «испрашивал монаршей милости о производстве в унтер-офицеры и в офицеры в непродолжительном времени состоящих в крепостях: в Орской Ивана Виткевича, в Верхне-Уральской Елисея Песляка и в Троицкой Виктора Ивашкевича. Государю угодно было объявить мне, что участь их будет облегчена...». Ученый сверх того просил В. Перовского прикомандировать И. Виткевича к учрежденной в Оренбурге пограничной комиссии...» (Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 18. Д. 94, л. 47). Есть версия о том, что узнавший в Петербурге из уст Гумбольдта о судьбе ссыльного и о желании ему помочь писатель В.И. Даль во время посещения Оренбурга передал это мнение В. Перовскому (<http://hron.ru/index.php.content>).

Дальнейшая судьба И. Виткевича одновременно и интересна, и трагична. Генерал В. Перовский, учитывая просьбу Гумбольдта и монаршую милость, перевел И. Виткевича в Оренбург, сделал своим адъютантом и в 1832 г. добился производства в портупей-прапорщики. Генералу, обратившему серьезное внимание на взаимоотношения России и Казахстана с ханствами Средней Азии, очень нужны были люди, знавшие восточные языки и способные

доставлять научные и политические сведения о южных соседях. И. Виткевич как нельзя лучше подходил для этих целей.

В 1835 г. последовало высочайшее повеление командировать И. Виткевича в Хиву и Бухару с секретным заданием – собрать наиболее полные сведения об их политическом состоянии. В архиве Санкт-Петербургского отделения Академии наук РФ хранится интересная «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона №10 прапорщика Виткевича, относительно пути его в Бухару (*так!*) и обратно». В ней содержатся весьма интересные наблюдения за жизнью обитателей Казахской степи, об их незащитности перед произволом хивинских властей. И. Виткевич писал: «... наши так называемые подданные подвергались, по незащитности своей, всем произвольным притеснениям и поборам хивинцев. Кайсаки, и особенно чумекейцы, Дерт-Каринцы, беспрестанно говорят о том, что ожидают, не пойдут ли русские на Хиву; они бы без всякого сомнения приняли в этом деятельное участие» (Архив Академии наук РФ (Петербургское отделение). Ф. 56. Оп. 1. Д. 19. л.4 об.–5 об.).

Кроме Бухары И. Виткевич побывал в Афганистане и Персии и вернулся зимой 1836 г. из опасного путешествия, блестяще выполнив поручения В. Перовского. Генерал-губернатор выразил пожелание, чтобы путешественник лично представил императору отчет о своих исследованиях и убедил его в необходимости похода на Хиву, о котором в Оренбурге давно уже шли упорные разговоры.

Трагически для И. Виткевича завершилась поездка в Петербург в 1839 г. Остановившись в гостинице, 8 мая он покончил жизнь самоубийством, оставив записку, где сообщил, что лишает себя «жизни самопроизвольно». Причина самоубийства И. Виткевича так и не разгадана, хотя и существует несколько версий, одна из которых содержится в «Деле о командировании в казахскую степь прапорщика Виткевича для выдачи наград казахам». Так вот, там сказано буквально следующее: «Причина – предательское поведение во время ареста и допросов» (Центральный государственный архив РК (ЦГАРК). Ф.4. Оп. 1. Д. 317. л.40). Здесь, видимо, имеется в виду намек на привлечение И. Виткевича к следствию по делу о несостоявшемся оренбургском заговоре ссыльных поляков, якобы имевшего быть в 1833 г.

О том, что И. Виткевич осознанно принял решение о самоубийстве, свидетельствовала его посмертная записка, написанная в 3 часа утра 8 мая. В ней он дал следующее распоряжение: «Как Азиатский департамент Министерства Иностранных дел есть присутственное место, от которого я в настоящее время завишу, то покорнейше прошу сей департамент распорядиться приходящим мне за 2 года жалованием от 1 Оренбургского полка» для выплаты всех долгов и займов». В записке, в частности, говорится: «Все бумаги, касающиеся моего последнего путешествия, сожжены мною, и потому всякое об них разыскание будет тщетно... Подлинную подписал Виткевич» (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 103. л. 4–5).

Вернемся, однако, к А. Гумбольдту. В своем труде «Asie Centrale» он неоднократно упоминал имя И. Виткевича, безмерно скорбил о преждевременной смерти «этого молодого умного исследователя». Немецкий ученый намекал о своей версии самоубийства, считая, что Виткевич «в силу своей честной природы не мог примириться с той ролью, которая ему была поручена от русского правительства» (<http://www.turklid.ru/engine>). Гумбольдт весьма сожалел о потере документов путешественника, хотя часть из сохранившегося наследия им все же была опубликована в «Asie Centrale» (Центральный государственный архив РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 317. л. 40).

У А. Гумбольдта была еще одна встреча в Казахстане с интересным человеком. Им оказался тогда еще молодой, но много обещающий в будущем ученый-естествоиспытатель и путешественник Г.С. Карелин. Был он из дворян, получил военное артиллерийское образование, служил при всесильном А. Аракчееве, дружил со многими декабристами (считался даже одним из «прикосновенных» к обществу), не обошли его стороной вольнолюбивые настроения, которые ученый не растерял во всю свою последующую жизнь. Они-то и послужили явной причиной обрушившейся на него опалы. Дело в том, что А. Аракчеев, награжденный

царем графским достоинством, начертал на гербе весьма сомнительный девиз «Без лести предан». Молодой человек решился на рискованный шаг: он написал издевательские куплеты на всесильного временщика и сопроводил их не менее издевательской карикатурой с надписью «Бес, лести предан». Этого поступка оказалось достаточно, чтобы подвигнуть А. Аракчеева на скорую расправу – Г. Карелина немедленно отправили в оренбургскую ссылку. Случилось это в 1822 г.

До знакомства с А. Гумбольдтом ссыльный офицер принял участие в военно-топографической экспедиции полковника Берга, стал действительным членом Московского общества испытателей природы. За составленную им карту территории так называемой Внутренней Киргизской Орды во время экспедиции Эверсмана высочайше пожалован бриллиантовым перстнем. Выйдя в 1826 г. в отставку по болезни с присвоением чина титулярного советника, Г. Карелин был причислен на службу по Министерству иностранных дел и оставлен при хане Внутренней Орды Джангире Букееве при его ставке в Нарын-песках, помогая хану управлять делами и преподавая ему различные науки (РГВИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 133. л. 62–67). Когда А. Гумбольдт посетил Джангира и обратил внимание на его широкие познания в области естественных наук и в восточных языках, то оказалось, что в этом он обязан стараниям капитана Григория Карелина. Характеризуя Г. Карелина, хан отметил, что «он известен и любим в Орде...» и что сам его «почитает единственным чиновником, который бы мог с пользой состоять при особе его и присутствовать в его совете» (РГВИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 133. л. 12 об.).

И вот, в Оренбурге осенью 1829 г. состоялось свидание двух людей, объединенных общим научным интересом – А. Гумбольдта и Г. Карелина. Сам факт встречи отмечен сопровождавшим ученого Густавом Розе. Он пишет: «Г-н Карелин большой любитель и знаток естественной истории и владеет прекрасными естественно-историческими коллекциями, которые нас особенно интересовали, поскольку в них находились главным образом предметы из окрестностей Оренбурга. Однако наибольший интерес представлял для нас г-н Карелин из-за отношений, в которых он состоял с Джангиром, ханом Внутренней киргизской Орды, у которого он был учителем математики и с которым все еще был очень дружен» (<http://www.vecheriyj Orenburg.ru.>). В письме Г. Канкрину А. Гумбольдт отметил, что провел «время самым поучительным образом» с Г. Карелиным. Были ли встречи немецкого путешественника с русским натуралистом частыми и продолжительными – увы, не известно (<http://www.biografia.ru./ arhiv.>). Нам представляется, что контакты были все же довольно близкими и доверительными, поскольку основывались общностью научных интересов. А потому дело вряд ли могло ограничиться разовой встречей. Но пока вот о чем...

После пяти дней пребывания в Оренбурге А. Гумбольдт отправился в Илецкую Защиту, где стараниями председателя Пограничной комиссии генерала Г.Ф. Генса для него были организованы большие традиционные соревнования казахских наездников, игра на национальных инструментах, пение и танцы казахских девушек. А. Гумбольдт был в восторге.

Густав Розе писал, что по пути в Астрахань нужно было преодолеть трудные и опасные просторы казахской степи и без поддержки хана Джангира вряд ли это было возможно. И далее он свидетельствовал: к этому путешествию А. Гумбольдта склонял Г. Карелин, «добровольно предлагая проводить нас к хану и поддержать нас своим опытом, так как он уже много раз проделывал этот путь» (<http://www.orenlit.ru/ tvorchestvo/v -zerkale.>). Данный сюжет дает право на предположение о продолжении контактов двух естествоиспытателей и в Илецкой защите. Кстати, А. Гумбольдт выбрал несколько иной маршрут.

В завершение не лишним будет указать на весьма близкое научно-творческое единение двух незаурядных личностей. Не будет особым преувеличением сделать вывод о том, что беседы с А. Гумбольдтом подвигли Г. Карелина на осуществление некоторых нереализованных идей немецкого путешественника по изучению просторов Центральной Азии. Многие его задумки, на которые он неоднократно указывал в своих трудах, воплотились в реально достигнутые результаты русского исследователя.

Для А. Гумбольдта Сибирь и Казахстан, люди, не по своей воле там пребывающие, стали объектом постоянного и пристального интереса. Жизнь шла, но сотрудничество с русской ученой и общественной средой никогда не прерывалось, немецкий ученый не только следил за её успехами, но и использовал результаты её работы при обработке материалов своей экспедиции и при написании «Центральной Азии». Мы солидарны с выводом одного из исследователей творчества А. Гумбольдта В.А. Есановым: «В его произведениях о географии Азии и России были использованы многочисленные материалы и новые исследования русских ученых, которые в данном случае сыграли такую же роль, как французские ученые при обработке материалов американского путешествия» (Есанов В.А., 1960, с. 72).

Не забудем и основной постулат – герои данной статьи не просто люди, причастные к науке, они несли и горькое бремя политической «преступности». И честь немецкому ученому, что он в условиях строжайшего их остракизма не стал в позу равнодушия, а сделал возможное в деле облегчения их участи.

Список литературы

- Декабрист М.И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. – Пг.: «Былое», 1922.
Дюгамель А.О. Автобиография. – М., 1885.
Есанов В.А. Александр Гумбольдт в России. – М., 1960 .
«Записки декабриста Н.И. Лорера». – М., 1931.
Маркин В. Александр Гумбольдт в Америке и в России // Архив. – М. – 2002. – № 4.
Мушкетов И. Туркестан. Т. 1. – СПб., 1886.
Невский В.В. Александр Гумбольдт – выдающийся путешественник и географ / под ред. чл.-корр. АН СССР С.В. Колесника. – М., 1959.
Пушкин. Материалы и исследования. – М.–Л., 1956. Т. 1.
Сафронов В.А. Александр Гумбольдт. – М., 1959.
Свербеев Д.Н. Из воспоминаний / Московский университет в воспоминаниях современников: сборник / сост. Ю.Н. Емельянов. – М., 1989.
Скурла Г. Александр Гумбольдт / сокр. перевод с немецкого Г. Шевченко. – М., 1985 (ЖЗЛ).
Г. де Терра. Александр Гумбольдт и его время / перевод с немецкого. – М., 1961.
Шалаева Г.П. Кто есть кто в истории цивилизации / Г.П. Шалаева. – М., 2008; http://www.dustyatic.ru/cultur/history_of_tyumen.
Архив Академии наук РФ (Петербургское отделение). Ф. 56. Оп. 1. Д. 19.
Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 18. Д. 94.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 36. Оп. 7/850. Св. 51. Д.31,1829.
РГВИА. Ф. 36. Оп. 9/852. Д. 61.
РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 103.
РГВИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 133.
Центральный государственный архив РФ (ЦГАРФ). III отдел. 1эксп. Ф.109. Оп. 5. Д. 61. Ч. 176.
ЦГАРФ. III отд.1 экз. Ф. 109. Оп. 5. Д. 61, ч. 140.
Центральный государственный архив РК (ЦГАРК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 317.
<http://www.rusdeutsch74.ru/newspaper>.
<http://hron.ru/index.php.content>.
<http://www.turklid.ru/engine>.
<http://www.vecheriyjOrenburg.ru>.
<http://www.biografia.ru/arhiv>.
<http://www.orenlit.ru/tvorchestvo/v-zerkale>.